

Ю.Г. Чернышов

Платоновская утопия — «инструкция для организаторов тоталитаризма»?

В статье рассматривается вопрос о том, насколько правомерны встречающиеся в современной литературе прямые аналогии между платоновской утопией и идеологией тоталитаризма. Автор придерживается более осторожной оценки: у Платона можно обнаружить лишь фантастическое предвосхищение отдельных тоталитарных принципов.

Диалоги Платона «Государство» и «Законы» можно смело отнести к числу произведений, оставивших наиболее глубокий след в истории европейской утопической мысли. По мнению многих ученых, сам жанр «государственной утопии», в отличие от появившихся ранее утопий «золотого века», впервые последовательно воплотился именно в этих произведениях [1]. Более того, уже у Платона весьма рельефно обозначились такие «родовые» признаки подобных утопий, как стремление к максимально возможной унификации, к насаждению «идеального порядка» за счет мелочной регламентации всех сторон жизни индивидов. Неудивительно, что именно эти платоновские диалоги спустя многие столетия после их создания стали настольными книгами тех утопистов нового времени, которые воспевали воображаемые блага «казарменного социализма». Неудивительно и то, что сама эта неизменная актуальность платоновской утопии оказала обратное влияние на те оценки степени «недемократичности» данной утопии, которые высказывались в историографии.

Уже в XIX в. многие авторы сравнивали идеальные конструкции Платона не только с институтами власти в Спарте, на Крите или в древневосточных деспотиях (например, в Египте), но и с «католическими монастырями», и с «государством иезуитов» в Парагвае [2]. На фоне масштабных и трагичных социальных экспериментов, охвативших многие страны в первой половине и в середине XX в., появились принципиально новые акценты в суждениях о платоновской утопии. Независимо друг от друга различные авторы стали приходить к выводу о том, что платоновское идеальное государство стало более или менее отдаленным прообразом тоталитарных режимов фашистского или коммунистического типа (К. Адомайт, К. Поппер, Б. Рассел, А. Тойнби, С.Л.

Франк и др.) [3].

После снятия идеологической цензуры в отечественной литературе также получили распространение суждения о тоталитарном характере платоновских проектов, причем в одной из работ встречается «крайнее» суждение о том, что Платон в своих диалогах, особенно в «Законах», создал своеобразную «инструкцию для организаторов тоталитаризма» [4]. Возникает закономерный вопрос: не являются ли преувеличенными такие прямые аналогии с тоталитаризмом?

Если подходить к этому вопросу чисто формально и фиксировать внимание в основном на внешних сходствах и совпадениях, можно обнаружить в платоновских проектах довольно много «тоталитарных» черт: это и «официальные мифы», специально созданные для народа, и почти полное подчинение личных интересов общественным, и тотальная регламентация различных сторон жизни, и легальный террор для подавления оппозиции, и наличие дисциплинированной правящей элиты... [5].

Переистолковав гесиодовский миф о пяти родах (золотом, серебряном, медном, героическом и железном) [6], Платон попытался обосновать свой основополагающий тезис о том, что каждый в государстве должен заниматься исключительно своим делом (Resp., III, 414-415c; VIII, 546e-547c; cf.: Legg., I, 644e sq.). Он предлагает подвергнуть цензуре и запретам сочинения таких «недостаточно нравственных» авторов, как Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид. Здравствующих же поэтов, писателей и певцов, по его мнению, следует заставить воспевать только то, что сочтут полезным правители государства (Resp., II, 387d-392b). Юношам, не достигшим 30-ти лет, следует запретить предаваться каким бы то ни было отвлеченным рассуждениям: требуется «не допускать, чтобы вкус к рассуждениям появлялся смолоду» (Resp., VII, 539b).

Платону был не чужд утопический волюнтаристско-революционный подход к вопросу о методах преобразования общества. Совершенное государство, по его мнению, легче всего было бы создать единоличному правителю — царю или тирану, который смог бы произвольно переустроить общественные дела, уподобившись художнику,

рисующему на доске, или скульптору, лепящему фигуры из воска (Resp., VI, 501b; VII, 541a; Legg., V, 735 sqq.) Согласно «Законам», всех, кто не будет следовать указаниям законодателя, он присудит: «одного к смертной казни, другого к побоям и тюрьме, третьего к лишению гражданских прав, прочих же накажет лишением имущества в пользу казны и изгнанием (X, 890c). Предусмотрено и поощрение всеобщего шпионажа: каждому доносчику достанется половина конфискованного имущества его жертвы (V, 745a).

Вмешательство государства в личную жизнь граждан простирается на самые различные сферы жизни, особенно когда речь идет о высших сословиях («философы» и «стражи» в диалоге «Государство»). Это и уничтожение частной собственности, и строжайшие ограничения на выезд за границу, и запрет на использование золота и серебра, и даже беспардонное регулирование сексуальных отношений, обобществление жен и детей, уничтожение семьи как автономной ячейки общества. Здесь особенно отчетливо проявился взгляд Платона на общество как на неразумное стадо, нуждающееся в мудром правителе-пастыре (Gorg., 516a sqq.; cf.: Resp., V, 459a sqq.; Pol., 261d; 274e etc.).

Столь мелочная регламентация, разумеется, была бы невозможна без подавления и унификации личности, без подчинения всего общества контролю многочисленных чиновников. Понимая это, Платон в конечном счете неизбежно пришел в «Законах» к казарменным методам установления идеальных порядков: «...никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению; нет, всегда — и на войне, и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям... Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей... А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям» (XII, 942a-c).

Жестко организованная и дисциплинированная правящая элита в платоновских проектах действует по принципу целесообразности, она стоит над законом и тради-

ционной моралью, она не подвержена контролю со стороны общества. Весьма характерно, что в «Законах» появляется еще и особый надгосударственный орган («Ночной совет»), который тайно рассматривает вопросы государственной безопасности. Именно на описании этого «божественного собрания» и обрывается повествование в этом не вполне законченном диалоге Платона, написанном им уже в глубокой старости. А.Ф. Лосев, рассматривая «Законы» как «своего рода философское самоубийство» Платона, вставшего в «дотошную регламентацию», высказал в свое время весьма суровую, но справедливую оценку этому произведению: «Вряд ли можно найти в истории человеческой мысли более казарменную утопию» [7].

Как видим, проекты «Государства» и «Законов» содержали в себе нечто гораздо большее, чем простую идеализацию восточных деспотий или Спарты. Пожалуй, можно согласиться с тем, что в платоновской утопии содержалось фантастическое предвосхищение отдельных элементов тоталитаризма. Однако такое наблюдение можно сделать и на примере многих других ранних социальных утопий, в которых государству отводилась роль универсального регулятора (к примеру, в Греции еще до Платона подобный подход наметился в утопии Гипподама Милетского, а в древнем Китае его придерживались многие легисты, понимавшие закон — «фа» — исключительно как наказание и принуждение) [8]. Сама логика последовательных этатистских утопий, ставящих своей целью «исправление» человека и общества с помощью всеохватывающей регламентации и государственного планирования, неизбежно приводит к подобным результатам. Однако вместе с тем этатистский подход далеко не всегда следует отождествлять с тоталитарным, особенно если речь идет о ранних исторических эпохах.

Платон, на наш взгляд, не может претендовать на звание последовательного «теоретика тоталитаризма» сразу по многим причинам. Во-первых, даже в рассмотренных выше проектах, при всех их различиях, жесткая регламентация касается в основном лишь элиты идеального государства: она в гораздо меньшей степени затрагивает традиционный уклад жизни основной массы населения — трудящихся. Во-вторых, при более глубоком исследовании в фундаменте платоновских конструкций обнаруживаются многие традиции, нормы и принципы орга-

низации античной гражданской общины, которые никак не вписываются в тоталитарную схему. Если же принять во внимание и другие произведения Платона (в частности, диалоги «Менексен», «Горгий», «Федон», «Федр», «Тимей», «Критий», «Политик» и др.), то окажется, что этот философ отнюдь не всегда был сторонником крайне этатистских взглядов. К примеру, восхвалявшаяся им «жизнь при Кроносе» описана как почти анархическое времяпрепровождение под опекой божественных демонов (Pol., 269a - 273d; cf.: Legg., IV, 713d). Общим с рассмотренными выше проектами здесь было лишь убеждение Платона в том, что земная жизнь должна строиться по идеальному небесному образ-

цу, поскольку «никакая человеческая природа... не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполниться заносчивости и несправедливости» (Legg., IV, 713c; Phaedo, 109c sqq.).

В многолетних упорных поисках лекарства от этого «недуга» Платон перебрал, кажется, все мыслимые в его время средства. Однако даже в самых смелых своих фантастических прозрениях он все же остался весьма далеким от предвидения тех реальных возможностей манипулирования обществом, которые появились лишь в XX в., в ходе развития индустриальной цивилизации.

Литература

1. См., например: Цинко А. Идея социализма. Веха биографии. М., 1976. С. 118 и сл.; Salin E. Platon und die griechische Utopie. München, Leipzig, 1921. S. VIII; Hertzler J.O. The History of Utopian Thought. N.Y., 1926. P. 99; Utopie und Tradition: Platons Lehre vom Staat in der Moderne/Hrsg. H.Funke. Wuerzburg, 1987; Guenther R., Mueller R. Sozialutopien der Antike. Leipzig, 1987. S. 52 ff.
2. См.: Кирхенгейм А. Вечная утопия. СПб., 1902. С. 7 и сл.; Лурье С.Я. История античной общественной мысли. М.:Л., 1929. С. 311; Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. М., 1992. С. 119; Вишельбад В. Платон. Киев, 1993. С. 169; Tigerstedt E.N. The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. 1. Stockholm, 1965. P. 262 ff.
3. См.: Рассел Б. История западной философии. Кн. 1. Новосибирск, 1994. С. 116; Франк С.Л. Ересь утопизма//Социс. 1994. N 1. С. 129; Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. The Spell of Plato. Princeton, 1971. P. 170 ff.; Toynbee A. Surviving the Future. L., 1971. P. 80; Adomeit K. Antike Denker ueber den Staat. Heidelberg, 1982. S. 58 ff.
4. Семитко А.П. Платон о правовом воспитании граждан, или инструкция для организаторов тоталитаризма//Правовое воспитание и юридическое образование в условиях демократизации советского общества. Свердловск, 1991. С. 30-61.
5. Характеристики признаков тоталитаризма см., например, в работах: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. М., 1992; Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Мировое политическое развитие: век XX. М., 1995; Введение в политологию. М., 1995; Филатова М.Н., Светенко А.С. Политология. М., 1996; Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951; Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass., 1956; Armstrong J.A. The Politics of Totalitarianism. N.Y., 1961; Ebenstein W. Totalitarianism. N.Y., 1962; Bracher K.D. Totalitarianism//Dictionary of the History of Ideas. Vol. 1. N.Y., 1973. P. 406-411.
6. Идеологизированные интерпретации этого мифа подробнее рассматриваются в работах: Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1-2. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 1994; Gatz В. Weltalter, Goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen. (Spudasmata, 16). Hildesheim, 1967; Ferguson J. Utopias of the Classical World. L., 1975.
7. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона//Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1990. С. 37, 43.
8. См.: Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 130-133; Бычков Ф.С. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966. С. 217-223; Чанышев А.Н. Начало философии. М., 1982. С. 96-102, 111-118; Mosse Cl. Les utopies egalitaires a l'epoque hellenistique//Revue historique. T. 241. 1969. P. 303.